

ПАМЯТИ УЧИТЕЛЯ: ИГОРЬ ЯКОВЛЕВИЧ ФРОЯНОВ (22.06. 1936 — 5.12. 2020)

DOI: 10.35634/2412-9534-2021-31-1-169-175

В конце 2020 года отечественная историческая наука понесла невосполнимую утрату. 5 декабря ушёл из жизни один из корифеев изучения истории России, д-р ист. наук, проф. Игорь Яковлевич Фроянов.

Будущий историк родился 22 июня 1936 г. в Армавире. Отец, Яков Петрович Фроянов, командир РККА, в 1937 г. был репрессирован. Мать, Лидия Игнатьевна (в девичестве — Меркулова) с двумя детьми, 7-летним Владимиром и годовалым Игорем, оставшись без жилья и средств к существованию, переехала на родину в Ставрополь. В 1954 г. Игорь Яковлевич закончил среднюю школу и поступил в Ставропольское музыкальное училище, откуда был призван осенью 1955 г. в ряды советских вооружённых сил. Служил в Прикарпатском военном округе, г. Коломыя, авиационным механиком [15, с. 6; 5, с. 14–17]. В годы службы (1955–1958), по признанию Игоря Яковлевича, и началось его «знакомство с древнерусской эпохой», когда ему «в руки случайно попала книга Б. Д. Грекова “Киевская Русь” <...> Книга Грекова подвела к мысли о необходимости порыться в литературе, посвящённой русской истории. Так пробуждался интерес к отечественной истории и к истории вообще», который и привёл демобилизованного паренька на историко-филологический факультет Ставропольского пединститута [26, с. 148; 40, с. 7].

Игорю Яковлевичу везло с учителями и их он всегда вспоминал с сердечной теплотой и сыновьей благодарностью. В СГПИ таким учителем, наставником и старшим другом стал В. А. Романовский¹. «Мне сильно повезло, — вспоминал Игорь Яковлевич, — на факультете вёл учебные занятия профессор Виктор Александрович Романовский — яркий представитель украинской исторической школы, прославленной именами М. Ф. Владимирского-Буданова, М. В. Довнар-Запольского, М. С. Грушевского, Н. П. Василенко и др. Судьба забросила Виктора Александровича в Ставрополь вследствие непредвиденных и печальных обстоятельств. В начале 30-х гг. он был репрессирован по вздорному обвинению в украинском национализме и отправлен “на исправление” в карагандинский лагерь. Позднее Виктор Александрович с присущим ему юмором называл себя “сталинским стипендиатом”. После же выхода из лагеря ему не позволили вернуться в Киев <...>. Я благодарен судьбе за то, что Виктор Александрович стал моим учителем, что жизнь связала нас добрыми узами» [с. 7].

Под влиянием В. А. Романовского произошёл поворот И. Я. Фроянова к истории России, окончательно определившийся после прочтения «Курса русской истории» В. О. Ключевского [с. 8].

Видимо, под влиянием В. А. Романовского, лично знавшего многих корифеев старой школы, определился и интерес Игоря Яковлевича к дореволюционной историографии, уважительное отношение к которой ставили ему в вину оппоненты в 1970–1980-е гг.

Результатом студенческих штудий по истории Киевской Руси стал пространный реферат «Челядь и холопы в Киевской Руси», который не только получил высокую оценку А. А. Зимина [40, с. 8–11], А. Л. Шапиро [40, с. 13], открыл ему двери аспирантуры ЛГУ², но и стал составной частью будущей кандидатской диссертации!³

¹ Романовский Виктор Александрович А. (1890–1971) — советский историк и архивист, специалист по истории Украины XVII–XIX вв., краеведению, основоположник археографии и архивоведения в СССР. Происходил из именитого, но обедневшего шляхетского рода. — Подробнее см.: [9; 10].

² Ознакомившись с рефератом И. Я. Фроянова, А. Л. Шапиро сказал В. В. Мавродину: «Этого парня надо брать». В. В. Мавродин добился выделения дополнительного места в аспирантуру [26, с. 154; 40, с. 13].

³ «После того, как Владимир Васильевич Мавродин стал моим научным руководителем, возник вопрос о диссертационной теме. Решено было сделать частью диссертации представленный при поступлении в аспирантуру реферат “Челядь и холопы в Киевской Руси”, подвергнув его, разумеется, предварительной обработке. Владимир Васильевич подчеркнул, что это — именно часть будущей работы. Надо подумать над расширением её проблематики. И тут как бы сама собой напрашивалась идея смердов — категории зависимого населения, соприкасающейся с челядью и холопами. Но за смердами потянулись данники. Так соединилась единая социальная цепочка — челядь, холопы, данники, смерды. Изучение этих групп несвободных имело существенное значение с точки зрения роли рабства в Древней Руси, прежде всего в сфере генезиса феодализма на Руси. Поэтому Владимир Васильевич, не колеблясь, одобрил тему, и я приступил к делу» [26, с. 158; 40, с. 17–18].

В ЛГУ его учителем стал В. В. Мавродин⁴, о котором Игорь Яковлевич писал: «Владимир Васильевич был чрезвычайно прост в общении и, главное, излучал неподдельную участливость и доброту. Это был редчайший человек. За всю свою (уже не короткую) жизнь я могу назвать не более двух людей, сравнимых с ним» [26, с. 156–157; 40, с. 16]; «Всеми своими успехами на этом пути я обязан, прежде всего, своему учителю Владимиру Васильевичу Мавродину — человеку исключительной доброты, мудрому *Наставнику* и *Водителю*» [26, с. 160; 40, с. 20].

Кандидатская диссертация была защищена И. Я. Фрояновым 17 ноября 1966 г. в Учёном совете Ленинградского государственного университета на тему «Зависимое население на Руси IX–XII вв. (челядь, холопы, данники, смерды)». Она стала образцом работы над темой, обеспеченной узким кругом источников и «исхоженной» исследователями вдоль и поперёк. Уже на этапе первой квалификационной работы проявились такие лучшие качества И. Я. Фроянова — исследователя, как: 1) максимально-полный охват историографии изучаемого вопроса; 2) исчерпывающий охват источников⁵, с одной стороны, неприятие распространённой в то время практики подтверждать свою точку зрения более поздними источниками без критического их анализа — с другой; 3) стремление рассматривать изучаемые институты в динамике; 4) учёт региональных особенностей; 5) оригинальность и чёткость построений и выводов и др. Игорь Яковлевич был, пожалуй, первым советским исследователем русского средневековья, кто обратил пристальное внимание на необходимость изучения проявлений первобытной психологии в массовом сознании древнерусского общества [16, с. 9]. И в этом направлении в кандидатской диссертации были сделаны первые шаги, в частности, когда речь шла о морально-психологическом восприятии населением даннической зависимости⁶.

Кандидатская диссертация И. Я. Фроянова была благожелательно встречена научной общественностью. Даже наиболее жёсткие критики его взглядов признавали оригинальность и остроумность построений и выводов автора. Концептуальные положения молодого исследователя, несмотря на то, что выходили за рамки устоявшихся в советской историографии схем, также пока не тревожили глади историографического плёса и не вызывали ортодоксального неприятия.

Тихая заводь официальной историографии была возмущена докторской диссертацией «Киевская Русь. Главные черты социально-экономического строя»⁷, защищённой Игорем Яковлевичем 27 декабря 1973 г. В ней диссертант отрицал не только феодальный, но и классовый характер общества домонгольской Руси⁸. Но это была лишь лёгкая рекогносцировка, по сравнению с баталией, начавшейся после выхода в свет монографии 1980 г., в которой И. Я. Фроянов завершил, в основных чертах, оформление своей концепции домонгольской Руси. Согласно выводам исследователя, дофеодальной общественной системе Древней Руси соответствовала политическая надстройка в виде городов-государств с верховным органом власти, вечем, во главе. На смену устоявшимся и, казалось, незыблемым схемам древнерусской истории (деление общества на классы ↔ государство; раннефеодальная монархия ↔ княжества эпохи феодальной раздробленности) пришла новая оригинальная трактовка процессов социо- и литогенеза на Руси⁹.

Официальная наука ответила массивной атакой с применением всех доступных ей средств: от разгромных рецензий до административных рычагов. Сакральной жертвой стала монография И. Я. Фроянова «Киевская Русь: очерки отечественной историографии», сданная в издательство ЛГУ в 1982 г. и поставленная в план выпуска 1983 г. После трудов великих, но несправедливых ряда влиятельных в то время академиков и членкоров в 1984 г. она была окончательно запрещена к изданию и смогла встретиться с читателем только через 8 лет после запланированного срока [28].

На И. Я. Фроянова оказывалось мощное идеологическое давление. Его обвиняли в отходе от марксизма-ленинизма, в приверженности методологии, применяемой в буржуазной историографии, в «ведении войны» против советской исторической науки... В любой момент могли последовать «орг-

⁴ Мавродин Владимир Васильевич (1908–1987) — советский историк, специалист в области истории Древней Руси, истории России XVIII в., историографии (см.: [11; 44]).

⁵ По словам А. Г. Манькова, Ю. Г. Алексева, Ю. А. Лимонова, в данной работе «автор исчерпал, по-видимому, весь фонд современных русских источников, связанных с его темой» [24, с. 272].

⁶ О защите И. Я. Фрояновым кандидатской диссертации см.: [5, с. 31–48; 5, с. 28–54; 17].

⁷ В сокращённом варианте и с несколько смягченными формулировками диссертация была опубликована в 1974 г. [30], а в полном виде только в 1999 г. [27].

⁸ См.: [2, с. 11–13].

⁹ См.: [2; 18].

выводы)... Игорь Яковлевич всё это вынес, не сломался, остался верен своим научным и гражданским принципам. Его концепция, конечно, развивалась и совершенствовалась в последующих работах [23; 31; 33; 42; 43; 45; 47], но не теряла своей изначальной сущности.

Высоко продуктивными для исследователя стали перестроечные и 1990-е гг. В это время выходят такие значимые работы, как «Становление и развитие раннеклассовых обществ» (в соавт.) [20]; «Города-государства Древней Руси» (в соавт.) [43]; «Христианство: Античность. Византия. Древняя Русь» (в соавт.) [45]; «Киевская Русь. Очерки отечественной историографии» [28]; «Мятежный Новгород» [33]; «Древняя Русь. Опыт исследования истории социальной и политической борьбы» [23]; «Рабство и данничество у восточных славян» [42]; «Былинные истории» (в соавт.) [47]; «Киевская Русь. Главные черты социально-экономического строя» (издание текста докторской диссертации 1973 года) [27]; «Октябрь семнадцатого (глядя из настоящего)» [38]; «Погружение в бездну. Россия на исходе XX века» [41] и др. Идеологическое давление значительно ослабло, но полностью не исчезло. Только теперь коллеги по историческому цеху, умело перестроившиеся в соответствии с «колебанием линии партии», обвиняли его в приверженности марксистской идеологии...

Плодотворными выдалась и последние 20 лет жизни историка. В 2007 г. вышла фундаментальная «Драма русской истории: на пути к опричнине», охватившая период от конца XV в. до введения опричнины [21]. Важнейшим же делом в свои последние годы исследователь считал подготовку двух фундаментальных курсов лекций по русской истории. Лекции по истории Киевской Руси вышли в 2015 г. [31]. Лекции же по истории Московской Руси остались незаконченными. В ходе их написания начал неимоверно разрастаться историографический раздел по проблеме ордынского ига, который было решено выделить в отдельную монографию. Эта монография под названием «Нашествие на русскую историю», объёмом в 1088 стр. вышла незадолго до смерти историка [35]. На большее, увы, жизни не хватило. Но если мы, помимо указанных, учтём труды, посвящённые истории крестьянских переходов [36; 37], возникновению монархии и абсолютизма в России [34, с. 883–907, 908–919], правлению Ивана III и исторической роли Романовых [25; 34, с. 920–928, 929–941], петровским преобразованиям и динамике революционного движения в России [38], столыпинским реформам [46], проанализируем многочисленные работы публицистического характера, охватывающие широкий спектр отечественного прошлого [32] и т. д., то сможем сделать обоснованный вывод о том, что И. Я. Фроянов смог создать целостную концепцию истории Российской с древнейших времен до наших дней.

К Игорю Яковлевичу в полной мере приложимы слова, сказанные В. О. Ключевским о своём учителе С. М. Соловьёве: «В жизни учёного и писателя главные биографические факты — книги, важнейшие события — мысли. В истории нашей науки и литературы не много жизней, столь же обильных фактами и событиями, как жизнь Соловьёва». Действительно, в истории отечественной исторической мысли «не много жизней, столь же обильных фактами и событиями, как жизнь» Фроянова.

Но дело, конечно же, не столько в количестве написанных страниц (трудов), сколько в плодотворности научных новаций (мыслей), степени их востребованности историографией. Чтобы оценить истинный масштаб вклада Игоря Яковлевича в развитие исторической науки должно пройти какое-то время. Но уже сейчас очевидно, что в главном, самом принципиальном для советских русистов-медиевистов споре о характере общественного строя домонгольской Руси прав оказался именно он, а не его многочисленные оппоненты. Концепция древнерусской истории, созданная И. Я. Фрояновым в далёкие уже 1960–1970-е гг.¹⁰, намного опередила своё время.

Раскроем основные черты концептуальных взглядов историка на особенности истории допетровской Руси, что составляло основную сферу его научных интересов.

По мнению И. Я. Фроянова, неизбежными спутниками эпохи первобытности у всех народов, включая предков славян, были межплеменные войны, рабство и данничество [42, с. 504]. Война в архаических обществах являлась способом их самосохранения и своеобразной формой освоения первобытными людьми внешнего мира, пресечения идущей извне опасности посредством религиозно-магических действий. «Взаимный страх людских коллективов друг перед другом был изначальным составлявшим краеугольный камень социальной психологии древних обществ». Войны древних славян носили сакральный характер [42, с. 488]. Военная добыча способствовала имущественному расслоению, войны порождали рабство и данничество. При низкой рождаемости и высокой детской смертно-

¹⁰ Монография «Киевская Русь: Очерки социально-политической истории», завершившая, в основных чертах, оформление фрояновской концепции домонгольской Руси была сдана в типографский набор 16 июня 1979 г.

сти в архаических обществах рабы-пленники адаптировались в новый коллектив, «выступали средством для поддержания жизнедеятельности старых общественных образований и структур» [42, с. 492, 493]. Рабство у древних славян, как и в других архаических обществах, возникало «как институт, обслуживающий жизненно важные нужды древних людей, связанные с непроизводительной (религиозной, военной, демографической, матримониальной и пр.) сферой их деятельности». Впоследствии оно становится фактором разрушения традиционной социальной структуры [42, с. 494]. Дань, взимаемая первыми киевскими князьями с покорённых восточнославянских племён, не была посягательством на их земли, а до конца X в. являлась внешним побором, добываемым силой оружия и шедшим «на нужды полянской общины в целом, а также князей, дружинников и рядовых воинов в отдельности». Включение восточнославянских племён в результате межплеменных войн в систему даннических отношений, скрепляемое языческой клятвой, что сдерживало агрессию покорённых, означало присоединение их к племенному суперсоюзу с центром в Киеве [42, с. 497, 502, 503; 3, с. 21–24].

В IX в. завершилось слияние территорий восточнославянских племён в общую территорию племенного союза, имевшего политический, военный, административный и религиозный центр — город [29, с. 16]. Во второй половине X в. происходит интенсивный распад родоплеменных отношений, приводящий к имущественной поляризации, возникновению рабов из числа местных обездоленных людей — холопов, социальным коллизиям. Языческая реформа князя Владимира была неудачной попыткой укрепить господство Киева над общеславянским племенным союзом. Введение Владимиром христианства обостряло отношения Киева с подчинёнными восточнославянскими племенами. Неустройства содействовали «аккумуляции князем и дружиной публичной власти» [22, с. 52, 57, 59–60]. В XI–XII вв. дань-контрибуция выплачивалась смердами, жителями отдаленных земель, преимущественно иноязычными, покорёнными военной силой. С конца XI в. появляются внутренние смерды — челядь (пленники-рабы), посаженные на княжеские и монастырские земли [24, с. 240–241]. Вожди (князья) восточнославянских племенных союзов являлись органами родоплеменного строя. Князья же суперсоюзов племён, образование которых было обусловлено внешней опасностью, были олицетворением политической организации, не совпадавшей отчасти с народом и заключавшей в себе «ростки государственности» [29, с. 13]. Тем не менее князь в домонгольский период не стал настоящим государем, этому препятствовала самостоятельность народных вечевых общин. И поэтому князья, наряду с интересами знати, должны были выражать и общенародные интересы [29, с. 43, 44]. По мере укрепления волостных общин формирующееся земство в лице народных вечевых собраний вступило в борьбу за верховную власть с князьями (нередко на религиозной и бытовой основе), завершившуюся к середине XII в. почти во всех древнерусских землях-волостях победой городской общины. К внутриобщинным конфликтам добавлялись волостные и межволостные [22, с. 634, 635]. Социально-политическое развитие древнерусских земель в XI — начале XIII в. протекало в едином русле, в условиях переходного характера общества, «с присущей ему общинностью без первобытности и вытекающим отсюда демократизмом общественных отношений», что обусловило «становление республиканского строя на Руси как демократического, воплощавшего политическое творчество народных масс». Вершиной развития народоправства городских волостей-государств во главе с главным городом, господствовавшим над пригородами, стало «народное собрание, вече, возвышающееся над княжеской властью». Древнерусские города-государства, имевшие определённое сходство с античными полисами, прекратили своё существование в середине XIII в. под ударами кочевников и тяжестью ига. Вместе с тем они явились «строительным материалом для новой формы политической организации — княжеств (раннефеодальных монархий), объединение которых вокруг Москвы и создание единого Русского государства позволило обрести национальную независимость» [43, с. 267].

Татаро-монгольское иго — долгое, принудительное, опирающееся на грубую силу и военный террор изъятие «материальных ценностей, людских и финансовых ресурсов», «изнурявшее силы Руси материально, духовно и нравственно». Историческая заслуга Александра Невского в том, что он в условиях ига и наступления католического Запада (что в Юго-Западной Руси привело к гибели государственности) сумел сохранить и спасти государство и православную церковь, «тем самым обеспечив великое будущее России и её народа» [39, с. 216, 220]. В монгольский период на смену общинно-вечевой Руси приходит Русь княжеская, монархическая. В XIV в. с прекращением вечевых собраний на Руси забота о народных интересах переходит к московским князьям, взявшим на себя организующую роль в борьбе за свержение татаро-монгольского ига, что поднимало их авторитет в глазах народа. В условиях постоянной внешней угрозы в эпоху Ивана III завершается формирование монархии

в России: на смену княжеско-вечевому строю приходит земско-самодержавный, гибко сочетавший сильную центральную власть и традиционное местное общинное самоуправление [34, с. 897, 919, 922–923]. В это время над Русью нависла опасность религиозно-политической смуты в виде «ереси жидовствующих», замысел которых состоял в овладении церковью и государством изнутри «посредством внедрения в сферу высшей власти» [21, с. 108]. Эта опасность, то усиливаясь, то ослабляясь, актуализировалась в середине XVI в., когда «наступление на самодержавство Ивана IV повела Избранная рада», поддержанная частью боярства, связанными с ними дворянами и отдельными представителями духовенства. Католический Запад вдохновлял и стимулировал «деятельность этих антирусских сил». Опасность достигла наивысшей степени в годы длительной Ливонской войны, когда «немало фрондирующих представителей княжеско-боярской знати и служилых людей стали на путь прямой измены и предательства», что поставило Русское государство на грань национальной катастрофы». Иван Грозный силою обстоятельств, исходя из потребностей государственного строительства, был поставлен перед необходимостью введения опричнины для восстановления самодержавия, что спасло Россию [21, с. 870, 879, 926]. Русское государство, по мысли И. Я. Фроянова, формировалось как многонациональное с самого начала, служа «прибежищем для народов, нашедших спасение под рукой российского самодержавства». Иван Грозный отстоял Русскую Церковь, Православную веру и Самодержавие, составляющие основы русской цивилизации, в жестокой, кровавой борьбе и укрепил их настолько, что «не потрясло лихолетье Смуты». Россия при нём по существу стала империей [32, с. 286, 796].

Игорь Яковлевич работал до последних дней отмеренного ему Господом жизненного пути. 6 декабря он должен был по дистанту прочитать очередную лекцию для студентов своего родного исторического факультета¹¹ СПбГУ... Увы, эта лекция оказалась непочитанной...

Игорь Яковлевич унёс с собой невосполнимый объём знаний, нереализованных планов, не озвученных идей... Вместе с тем он оставил огромное научное и педагогическое наследие, которое, несмотря на уже большую проделанную его коллегами и учениками работу [1–8; 12–15; 17–19], предстоит изучать не одному поколению исследователей...

Низкий поклон и светлая память Учителю, Учёному, Патриоту.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Алексеев Ю.Г.* За отечество свое стоятель // *Фроянов И. Я.* Начала русской истории. Избранное. М.: Парад, 2001. С. 5–18.
2. *Алексеев Ю.Г., Пузанов В.В.* Проблемы истории средневековой Руси в трудах И.Я. Фроянова // Исследования по русской истории и культуре: сб. ст. к 70-летию профессора Игоря Яковлевича Фроянова / отв. ред. Ю. Г. Алексеев, А. Я. Дегтярев, В. В. Пузанов. М.: Парад, 2006. С. 3–23.
3. *Брачев В. С.* И. Я. Фроянов: начало творческого пути // Исследования по Русской истории и культуре: сб. ст. к 70-летию профессора Игоря Яковлевича Фроянова / отв. ред. Ю. Г. Алексеев, А. Я. Дегтярев, В. В. Пузанов. М., 2006. С. 24–48.
4. *Брачев В. С.* Опасная профессия — историк. СПб.: Стомма, 2005. 371 с.
5. *Брачев В. С.* Русский историк И. Я. Фроянов. Жизнь и творчество / отв. ред. Ю. Г. Алексеев. СПб.: Русская коллекция, 2016. 472 с.
6. *Брачев В. С.* Служители исторической науки. Академик С. Ф. Платонов. Профессор И. Я. Фроянов. СПб.: Астерион, 2010. 768 с.
7. *Брачев В. С.* Травля русских историков. М.: Алгоритм, 2006. 320 с.
8. *Брачев В. С., Дворниченко А. Ю.* Кафедра русской истории Санкт-Петербургского университета (1834–2004). СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 2004. 383 с.
9. *Булыгина Т. А.* Славная плеяда создателей исторического образования на Ставрополье: В. А. Романовский // Историческая наука и образование в начале XXI века: проблемы и перспективы развития (к 70-летию факультета истории, философии и искусств): сб. науч. статей. Ставрополь: Изд-во Северо-Кавказ. федерал. ун-та, 2015. С. 199–204.
10. *Булыгина Т. А.* Страницы жизни и творчества В. А. Романовского: вдали от Украины // Харківський історіографічний збірник. 2014. Вип. 13. С. 134–144.
11. *Дворниченко А. Ю.* Владимир Васильевич Мавродин: страницы жизни и творчества. СПб.: Филол. ф-т. СПбГУ, 2001. 191 с.

¹¹ Произносить нововведенное «Институт истории» в данной ситуации как-то неуместно, неправильно...

12. Дворниченко А. Ю. И. Я. Фроянов — исследователь Киевской Руси // Труды Исторического факультета Санкт-Петербургского университета. Вып. 6: Русские древности. К 75-летию профессора И. Я. Фроянова / отв. ред. А. Ю. Дворниченко. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 2011. С. 5–22.
13. Долгов В. В. Концепция И. Я. Фроянова в современной исторической науке: к вопросу о способах ведения дискуссий // Труды Исторического факультета Санкт-Петербургского университета. Вып. 6: Русские древности. К 75-летию профессора И. Я. Фроянова / отв. ред. А. Ю. Дворниченко. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 2011. С. 23–30.
14. Мяжков Г. П. Школа профессора И.Я. Фроянова в Удмуртии: диалектика формирования регионального научного сообщества // Наука в УГПИ-УдГУ: история, современное состояние, перспективы: материалы науч. конф. / отв. ред. и сост. Н. И. Леонов, В. В. Пузанов. Ижевск: Изд-во Удм. ун-та, 2011. С. 140–154.
15. Панченко А. М., Десярев А. Я., Алексеев Ю. Г., Воробьев В. М., Дворниченко А. Ю. Игорь Яковлевич Фроянов (страницы жизни и творчества русского учёного) // Средневековая и новая Россия: К 65-летию профессора Игоря Яковлевича Фроянова / отв. ред. В. М. Воробьев, А. Ю. Дворниченко. СПб.: Изд-во. СПб. ун-та, 1996. С. 5–26.
16. Писаренко Ю. Г. К поиску смысла посмертного ограбления правителей // Український історичний збірник. Вип. 10. 2007. Київ: Інститут історії України НАН України, 2007. С. 9–14.
17. Пузанов В. В. Начало большого пути // Фроянов И. Я. Зависимые люди Древней Руси (челядь, холопы, данники, смерды). СПб.: Астерион, 2010. С. I–XX.
18. Пузанов В. В. Феномен И. Я Фроянова и отечественная историческая наука // Фроянов И. Я. Начало христианства на Руси. Ижевск, 2003. С. 5–30.
19. Пузанов В. В., Халявин Н. В. «Радоваться успеху другого, радоваться радостью другого...» — особенности историографических изысканий И. Я. Фроянова // Вестн. Удм. ун-та. Сер.: История и филология. 2016. Т. 26, вып. 4. С. 8–22.
20. Становление и развитие раннеклассовых обществ: город и государство / под ред. Г. Л. Курбатова, Э. Д. Фролова, И. Я. Фроянова. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1986. 337 с.
21. Фроянов И. Я. Драма русской истории: на путях к опричнине. М.: Парад, 2007. 952 с.
22. Фроянов И. Я. Древняя Русь IX–XIII веков. Народные движения. Княжеская и вечевая власть. М.: Русский изд. центр, 2012. 1088 с.
23. Фроянов И. Я. Древняя Русь. Опыт исследования истории социальной политической борьбы. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 1995. 703 с.
24. Фроянов И. Я. Зависимые люди Древней Руси (челядь, холопы, данники, смерды). СПб.: Астерион, 2010. 336 с.
25. Фроянов И. Я. Иван III: созидание России // Судебник Ивана III: становление самодержавного государства на Руси. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 2004. С. 5–14.
26. Фроянов И. Я. Избрание стези историка // Наш дом на Менделеевской, 5: воспоминания универсантов-историков / ред.-сост.: И. Б. Михайлова. СПб.: Скифия-принт, 2015. С. 146–160.
27. Фроянов И. Я. Киевская Русь. Главные черты социально-экономического строя. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 1999. 372 с.
28. Фроянов И. Я. Киевская Русь. Очерки отечественной историографии. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1990. 328 с.
29. Фроянов И. Я. Киевская Русь. Очерки социально-политической истории. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1980. 256 с.
30. Фроянов И. Я. Киевская Русь. Очерки социально-экономической истории Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1974. 159 с.
31. Фроянов И. Я. Лекции по русской истории. Киевская Русь. СПб., 2015. 1048 с.
32. Фроянов И. Я. Молитва за Россию. Публицистика разных лет. СПб.: Астерион, 2008. 840 с.
33. Фроянов И. Я. Мятёжный Новгород. Очерки истории государственности, социальной и политической борьбы конца IX — начала XIII столетия. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 1992. 280 с.
34. Фроянов И. Я. Начала русской истории. Избранное. М.: Парад, 2001. 975 с.
35. Фроянов И. Я. Нашествие на русскую историю. СПб.: Русская коллекция, 2020. 1088 с.
36. Фроянов И. Я. О возникновении крестьянских переходов в России // Вестн. Ленингр. ун-та. 1978. № 14, вып. 3. С. 28–34.
37. Фроянов И. Я. О крестьянских переходах в России XIV–XV вв. // Вестн. Ленингр. ун-та. 1979. № 14, вып. 3. С. 20–26.
38. Фроянов И. Я. Октябрь семнадцатого (глядя из настоящего). СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 1997. 160 с.
39. Фроянов И. Я. О переписывании истории отношений Руси с Ордой // Вестник СПб. ун-та. История. 2018. Т. 63, вып. 1. С. 196–222.
40. Фроянов И. Я. От автора // Фроянов И. Я. Зависимые люди Древней Руси (челядь, холопы, данники, смерды). СПб.: Астерион, 2010. С. 3–20.
41. Фроянов И. Я. Погружение в бездну. Россия на исходе XX века. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 1999. 800 с.
42. Фроянов И. Я. Рабство и данничество у восточных славян. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 1996. 512 с.
43. Фроянов И. Я., Дворниченко А. Ю. Города-государства Древней Руси. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1988. 269 с.

44. *Фроянов И. Я., Дворниченко А. Ю.* Мавродин Владимир Васильевич // Историки России. Биографии / отв. ред. и сост. А. А. Чернобаев. М.: Полит. энцикл., 2001. С. 773–782.
45. *Фроянов И. Я., Курбатов Г. Л., Фролов Э. Д.* Христианство: Античность. Византия. Древняя Русь. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1988. 334 с.
46. *Фроянов И. Я., Флоринский М. Ф.* Деятельность П.А. Столыпина в преломлении современной российской политики // Российская государственность: уровни власти. Историческая динамика: материалы Всерос. науч.-практ. конф. (Ижевск, 24–26 апр. 2001 г.) / отв. ред. В. В. Пузанов. Ижевск: Изд. дом «Удм. ун-т», 2001. С. 181–190.
47. *Фроянов И. Я., Юдин Ю. И.* Былинная история. Работы разных лет. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 1997. 592 с.

*В. В. Пузанов, д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой истории России,
Удмуртский государственный университет*

*Д. А. Котляров, канд. ист. наук, доцент кафедры истории России,
Удмуртский государственный университет*